

догадка, что она может быть внучкой великого человека, дочерью его непутового сына Филиппа, и ее образ вновь начинает занимать соловьевское сознание и не исчезает оттуда, даже когда историк понимает, что его догадка неверна: «Запоздалое озарение в Лизином доме не повергло его в уныние. Как ни странно, оно стало даже облегчением. Лизина связанность с генеральским родом <...> несла в себе тяжелый груз. Это родство придавало Лизе некоторую избыточную ценность, в которой она не нуждалась. Она была его любовью, его забытой и вновь открытой радостью. Он знал, что будет ее искать» [5]. Получается, что переход от фазы потери к фазе поиска инициируется соприкосновением данной интриги и описанной выше энигматической интриги. Поиск разгадки личностной тайны Ларионова и поиски Лизы оказываются тесно связанными в сознании героя («Так много и страстно он никогда еще не работал. Он находил документ за документом, но это ни на шаг не приближало его к Лизе. Поймав себя на этой мысли, он понял, что на такое приближение он подсознательно надеялся» [6]), но не только в сознании. После огромного количества найденных «не тех» Ларионовых (этот прием уже использовался: ряд отрицательных результатов обостряет ожидание положительного), Соловьев получает знак от «той» – чудесным (!) образом попавшее к Лизе в руки окончание воспоминаний генерала. Он, а точнее, разыскания о нем, помогают не только вспомнить о потерянной любви, но и вновь найти ее. Разрешения обеих интриг оказываются синхронизированными, разгадка тайны либо обретение искомого оказываются связанными с чудом как выходом за рамки логики обыденного и ожидаемого.

В целом же можно заключить, что энигматическая интрига в рассматриваемом романе обладает сложной структурой, принцип соотношения ее сегментов можно было бы определить как «рамочный»: некто, разгадывающий тайну, сам

становится тайной для другого разгадывающего. Основная интрига является настолько значимой для реализации авторского замысла, что подчиняет себе другие типы интриг – лиминальную по своей природе интригу становления и циклическую любовную. Иногда разгадку тайны «подсказывает» чудо, понимаемое автором как результат нравственного усилия героя, однако в целом прихода энигматики, организующей роман, такова, что ее окончательная разгадка невозможна, ведь главная тайна, о которой пишет Водолазкин, – тайна человеческой личности в ее соотнесенности с масштабными онтологическими «загадками», такими, прежде всего, как время и смерть.

Литература

1. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб., 1998–2000.
2. Тюпа В. И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25).
3. Тюпа В. И. Нарративная интрига ... С. 73.
4. Тюпа В. И. Нарративная интрига ... С. 88.
5. Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов. М., 2014. С. 285.
6. Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов ... С. 328.

References

1. Ricker P. Vremya i rasskaz [Time and narration]: v 2 t. M.;SPb., 1998–2000].
2. Tyupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» [Narrative intrigue in «Doctor Zhivago»] // Noviy filologicheskij vestnik. 2013. № 2 (25).
3. Tyupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» ... S. 73.
4. Tyupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» ... S. 88.
5. Vodolazkin E. G. Solovjev i Larionov [Solovjev and Larionov]. M., 2014. S. 285.
6. Vodolazkin E. G. Solovjev i Larionov ... S. 328.

УДК 821.161.1(470.62)

О. В. СПАЧИЛЬ,

кандидат филологических наук,
доцент Кубанского государственного
университета

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ ФАМИЛИИ ЧЕХОВ НА КУБАНИ

Известно, что А. П. Чехов всегда стремился посетить Кубань, но этому желанию не суждено было сбыться. Фамилия Чехов впервые упоминается в кубанских исторических документах задолго до рождения знаменитого писателя. Данному факту и посвящена представленная статья.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Федор Чехов, Кубань, ОЛИКО.

UDK 821.161.1(470.62)

O. V. SPACHIL,

candidate of Philological sciences,
associate professor of Kuban State University

THE FIRST REFERENCE TO CHEKHOV'S NAME IN KUBAN

It is known that A. P. Chekhov was always eager to visit Kuban, but his wish did not come true. Notably Chekhov's name is mentioned in Kuban historical documents long before the birth of the famous writer. The subject of the present article is the detailed story of the first reference.

Key words: A. P. Chekhov, Feodor Chekhov, Kuban, OLIKO.

Начиная с 1885 г., когда старший брат Антона Павловича получил должность секретаря Новороссийской таможни, Кубань упоминается в переписке братьев как место предстоящей поездки Антона Павловича и, возможно, место будущего жительства. Первое время Александр всерьез намеревался обосноваться на Кубани и звал сюда брата Антона. Новороссийск стал прообразом «Города будущего», произведения, в котором Александр описывал увиденное на Кавказе (как он именуется Новороссийск в своих письмах) [1]. Антон одобрял планы брата: «“Город будущего” – тема великолепная, как по своей новизне, так и по интересности. Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты, черт тебя знает, какой лентяй!» [2]. Этим планам не суждено было сбыться из-за болезни глаз, постигшей Александра Павловича в 1886 г., и последовавшего отъезда из Новороссийска.

Тем не менее мысль побывать на Кубани не оставляет А. П. Чехова, о чем он, в частности, пишет в 1888 г. И. Л. Леонтьеву-Щеглову, связывая неведомую прекрасную страну, манившую Степурина и Миньону, из рассказа Леонтьева-Щеглова «Миньона», с южным краем. Писатель мечтал увидеть на Кубани ту жизнь «с избытком», которую представляют в своих грезах герои рассказов «Барыня» (1882), «Воры» (1890) и сценического этюда «На большой дороге» (1884) [3].

Романтический, мифологизированный образ Кубани, представленный в этих произведениях, сформировался вне связи с личными впечатлениями. Скорее всего, именно отсутствие собственных наблюдений за реальной жизнью на Юге России позволило А. П. Чехову представить этот край землей обетованной и связать с ним надежды своих героев на лучшую жизнь. Идеал, не найденный писателем, стал отождествляться с Кубанью, которую он видел только из окна поезда. Его мечтам побывать здесь так и не суждено было сбыться [4].

В контексте вышесказанного примечателен факт упоминания фамилии Чехов в кубанских исторических документах задолго до рождения знаменитого писателя и его братьев. Расскажем об этом подробнее.

На общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) 18 января 1913 г. был заслушан доклад священника

Димитриевской церкви города Екатеринодара И. Максимова «Бытовые черты духовенства старой Черномории (1818–1843 гг.)» [5], в котором помимо прочего упоминалась и фамилия Чехов. В 1832 г. Федор Чехов стал героем весьма примечательной истории.

Небольшой исторический экскурс. Грамота Екатерины II от 30 июня 1792 г., поручавшая казакам охрану южнорусской границы, является точкой отсчета начала существования своеобразной движущейся границы, фронта на Юге России. Основной задачей переселяемых на новые земли запорожских казаков была охрана вновь присоединенных к России территорий. Была создана Черноморская кордонная линия, день рождения которой считается 24 июня 1793 г., день подписания рапорта З. Малого о расстановке казачьих кордонов вдоль реки Кубани, число которых постоянно росло [6].

«В результате поражения Турции в войне 1828–1829 по Адрианопольскому трактату к России перешел весь Закубанский край с восточным побережьем Черного моря. Однако эти уступленные турками территории предстояло еще завоевать, так как адыгейские племена отказывались покориться. Да и турки, не теряя надежды вернуть отданное, предпринимали широкое снабжение горцев оружием и военными припасами. В этом им активно помогала Англия, озабоченная возрастающей мощью России» [7]. Продвижение России к берегам Черного моря неуклонно продолжалось, и 23 мая 1839 г. была официально открыта Черноморская береговая линия. Целью этой своеобразной границы была охрана Закубанья от турецких и других иностранных агентов, постоянно возбуждавших черкесов на военное сопротивление России.

Стремление правительства Российской империи как можно быстрее заселить вновь присоединенные земли привело к массовому переселению людей из Полтавской и Черниговской губерний. Жители этих губерний по своему этническому составу были ближе всего к первым поселенцам на Кубани – казакам-запорожцам. Предполагалось, что это сходство позволит поселенцам в максимально короткие сроки адаптироваться в трудных условиях приграничной жизни.

В докладе о старой Черномории И. Максимов размышляет на тему переселения: «Ввиду тогдашних

постоянных войн с черкесами, казалось бы, надо было выбирать для переселения людей храбрых, сильных, здоровых, пригодных к военным действиям. Однако не эти качества служили критерием годности первых переселенцев, а наличие в составе их семей возможно большего числа дочерей» [8]. Казаков поощряли создавать семьи, а женщин хронически не хватало. Забегая вперед, следует сказать, что даже через 50 лет во вновь образованной Черноморской губернии (1896) по переписи 1897 г. женщины составляли лишь 40 % населения [9].

Женщины и девушки ценились, как никогда, высоко, и был установлен административный запрет вывозить представительниц женского пола за границу Черноморией. Генерал Власов просил корпусного командира Ермолова содействовать запрещению браков, в результате которых женщины должны были покинуть вновь присоединенные земли. У епархиального преосвященного было испрошено «предписание духовенству Кавказской губернии не совершать (таковых) браков» [10]. Из-за малой доступности сегодня этих материалов позволим себе пространную цитату: «Однако спустя несколько лет оказалось, что желающие сумели найти обход этому запрещению. Им оказало помощь духовенство, за что на духовенство сетовала войсковая канцелярия: “но священство сего не исполняет” <...> Не венчая здесь на месте, в Черномории, черноморское духовенство здесь только совершало обручение, которое ни в какие документальные книги не вносилось и давало от себя записки о беспрепятственном повенчании за пределами Черномории. Так, калниболотский куренной атаман рапортовал в 1832 г., что “священник онаго куреня Романый Белый (впоследствии священник Димитриевской церкви города Екатеринодара), в противность Высочайшей воли и распоряжения войсковой канцелярии, в первых числах июня месяца просватал (вероятно, обручил) онаго куреня дочь казака Ивана Буяна Улиту за между Кавказской области в селение Терновское за тамошнего жителя Федора Чехова и сам, не венчая здесь, дал за подписем собственной руки священнику того Терновскаго селения Василию записку, что на венчание ее препятствий нет. Куренной атаман, узнавши о сем, записку перехватил и рапорт переслал в Ейское земское начальство, и не пустил девицы Буяновой с вверенного ему куреня”» [11].

Этот эпизод однозначно указывает на стремление некоего Федора Чехова, проживавшего неподалеку от Ейска, жениться на кубанской казачке. Трудно сказать, чем именно закончилась эта история для жениха и невесты. Известно только, что произошел скандал, и терновский священник Роман Белый не только обвинил атамана, учинившего препятствия для церковного брака, в развращении девицы Буяновой, но и потребовал высечь его за это плетьюми: «Вашего куренного атамана теперь выбьют плетьюми, что он развратил и не пустил обвенчать девицы Буяновой. Атаман счел

себя обиженным и довел обо всем до сведения своего начальства, а оно сообщило духовному правлению. Войсковая канцелярия потребовала <...> дабы не венчали вдов и девиц в Черномории с не принадлежащими к оному войску людьми» [12].

Мы ничего более не знаем о Федоре Чехове из селения Терновское, он не упомянут ни одним биографом Антона Павловича как родственник или однофамилец великого писателя. Доподлинно известно лишь несколько фактов: вместе с казачкой Буяновой Федор Чехов попробовал обойти запрет на вывоз женщин из вновь присоединенных территорий, жил за межей Кавказской области и не принадлежал к Черноморскому войску. Селение Терновское (Терновская Балка) основано в 1812 г. [13] упоминается как станица с 1846 г., позже вошла в Кавказский отдел Кубанской области (с 1860 г.). Сейчас станица относится к Тихорецкому району Краснодарского края.

Выбор Таганрога дедом писателя как места жительства для своего сына Павла Егоровича биографы обосновывают процветанием и бурным развитием портового города. Умный и практичный Егор Михайлович, имея троих сыновей, заявлял, что каждый из них его единственный сын, и тем самым освобождал их от воинской службы. Так Митрофан оказался у купца Байдалакова в Ростове-на-Дону, Павел – у купца Кобылина в Таганроге, а Михаил стал обучаться переплетному делу в Калуге. «Отчего в провинциальных городах, а не в Москве или Петербурге? Оттого, что южные города в 40-е годы тучнели, богатели. Особенно те, что ближе к морю» [14].

Документально зафиксированный случай с Федором Чеховым, происшедший в 1832 г., указывает на факт проживания неких Чеховых в этих краях и, вполне возможно, являлся для Егора Михайловича дополнительным аргументом в пользу выбора Таганрога. Это, повторяем, всего лишь гипотеза, которая требует проверки и подтверждения. Однако доподлинно известно, что на Кубань в 1804 г. «переселили 378 душ мужского пола однодворцев Слободско-Украинской губернии» [15]. В память о своей малой родине переселенцы назвали станицу Воронежской.

В письме А.И. Эртелю А.П. Чехова из Мелихова от 11 марта 1893 г. читаем: «Вы воронежский уроженец? Моя фамилия тоже ведет свое начало из воронежских недр, из Острогужского уезда. Мои дед и отец были крепостными у Черткова, отца того самого Черткова, который издает книжки» [16]. Дед Чехова по отцу, Егор Михайлович, «был малоросс, крепостной; до освобождения крестьян он выкупил на волю всю свою семью», о чем А. П. Чехов пишет 14 августа 1891 г. Августину Врзалу [17]. О бабушке писателя достоверно известно, что звали ее Ефросиньей Емельяновой Шимко, что была она «крепостная крестьянка села Зайцовка, украинка, из семьи коневодов <...> ходила в украинской свитке и очипке, была простодушна, наивно верила в нечистую силу <...>

пешком ходила “по обещанию” из Ольховатки в Киев на поклонение святыням» [18].

Воронежская слобода Ольховатка принадлежала к Слободско-Украинской губернии, откуда происходил прадед великого писателя Михаил Евстафьевич Чехов. Рассматривая этимологию названия Ольховатка, В. А. Никонов подчеркивает его связь с аналогичными названиями «многих рек и селений в Левобережной Украине (Донецкой и Харьковской области, южной части Полтавской области) и в районах украинского заселения РСФСР (южная часть Воронежской области). Основа ольха (украин. вільха), дерево семейства березовых, и характерный для степной Украины суффикс – оват–ка. На других территориях от той же основы Ольховка, Ольшанка, Елшанка и др.» [19].

«Род Чеховых обширен. Землепашцы, иконописцы, монахи, офени – Чеховы в начале XIX в. разбросаны по всей России» [20]. Вполне возможно, что родные А. П. Чехова жили и на Кубани, и неслучайно писателя тянуло в эти края. Дальнейшие исследования покажут, станет ли выдвинутая гипотеза о родстве кубанца Федора Чехова с знаменитым писателем документально установленным фактом.

Литература

1. *Веленгурин Н. Ф.* О братьях Чеховых // Дорога к Лукоморью. Очерки. Краснодар, 1984. С. 166–196.
2. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. М., 1974–1988. С. 241.
3. *Спачиль О. В.* «В марте еду в Кубань. Там “Amare et non morire” (О мифопоэтике А. П. Чехова) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 51–54.
4. *Спачиль О. В.* «Еду в Кубань»: путешествие, которое не состоялось // Чеховская карта мира: Чехов-путешественник. Симферополь, 2013. С. 101–110.
5. *Максимов И. П.* Бытовые черты духовенства старой Черномории (1818–1843 гг.) // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 6 / под ред. Б. М. Городецкого. Екатеринодар, 1913. С. 191–211.
6. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / сост., науч. ред., рук. авт. кол. Б. А. Трехбратов. Краснодар, 1997. С. 520.
7. Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 519.
8. *Максимов И. П.* Бытовые черты духовенства старой Черномории ... С. 206.
9. Энциклопедический словарь по истории Кубани ... С. 520.
10. *Максимов И. П.* Бытовые черты духовенства старой Черномории ... С. 207.
11. *Максимов И. П.* Бытовые черты духовенства старой Черномории ... С. 207–209.
12. *Максимов И. П.* Бытовые черты духовенства старой Черномории ... С. 208.
13. *Азаренкова А. С., Бондарь И. Ю., Вертышева Н. С.* Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 269.
14. *Кузичева А. П.* Чеховы. Биография семьи. М., 2004. С. 11.
15. История кубанского казачества / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. С. 44.
16. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем ... Т. 5. С. 241.
17. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем ... Т. 4. С. 260.
18. *Алферьева А. Г., Кожевникова Е. А., Коноплева Е. П.* и др. Таганрог и Чеховы. Таганрог, 2003. С. 14.
19. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 308.
20. *Кузичева А. П.* Чеховы. Биография семьи ... С. 9.

References

1. *Velengurin N. F.* O brat'yah Chekhovykh [About Chekhov brothers] // Doroga k Lukomor'ju. Ocherki. Krasnodar, 1984. S. 166–196.
2. *Chekhov A. P.* Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]: v 30 t. T. 1. M., 1974–1988. S. 241.
3. *Spachil O. V.* «V marte edu v Kuban'. Tam “Amare et non morire”» (O mifopoetike A. P. Chekhova) [«In March I am leaving for Kuban. There “Amare et non morire”» (On A. P. Chekhov's mythopoetics)] // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2013. № 2 (49). S. 51–54.
4. *Spachil O. V.* «Yedu v Kuban'»: puteshestviye, kototroye ne sostoyalos' [«I'm going to Kuban»: a journey that never took place] // Chekhovskaya karta mira: Chekhov-puteshestvennik. Simferopol', 2013. S. 101–110.
5. *Maximov I. P.* Bytovyye cherty dukhovenstva staroy Chernomoriy (1818–1843) [Traits of Everyday life of Chernomoriya clergy (years 1818–1843)] // Izvestiya obshestva lubiteley izucheniya Kubanskoi oblasti. Vol. 6 / ed. B. M. Gorodetsky. Ekaterinodar, 1913. S. 191–211.
6. Entsiklopedicheskiy slovar' po istoriy Kubany s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda [Encyclopedic Dictionary of Kuban history from ancient times to October 1917] / sost., nauch. red., ruk. avt. kol. B. A. Trekhbratov Krasnodar, 1997. S. 520.
7. Entsiklopedicheskiy slovar' po istoriy Kubany ... S. 519.
8. *Maksimov I. P.* Bytovyye cherty dukhovenstva staroy Chernomoriy ... S. 206.
9. Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii Kubani... Op. cit. P. 520.
10. *Maksimov I. P.* Bytovyye cherty dukhovenstva staroy Chernomoriy ... S. 207.
11. *Maksimov I. P.* Bytovyye cherty dukhovenstva staroy Chernomoriy ... S. 207–209.
12. *Maksimov I. P.* Bytovyye cherty dukhovenstva staroy Chernomoriy ... S. 208.
13. *Azarenkova A. S., Bondar' I. Yu., Vertysheva N. S.* Osnovnyye administrativno-territorial'nyye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.). [Main administrative and territorial changes in the Kuban region (1793–1985)]. Krasnodar, 1986. S. 269.
14. *Kuzicheva A. P.* Chekhovy. Biografiya sem'i [Chekhov's. Biography of the family]. M., 2004. S. 11.

15. *Istoriya kubanskogo kazachestva* [The history of the Kuban Cossacks] / ed. V. N. Ratushnyak. Krasnodar, 2013. S. 44.

16. *Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* ... T. 5. S. 241.

17. *Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* ... T. 4. S. 260.

18. *Alfer'yeva A. G., Kozhevnikova E. A., Konopleva E. P. i dr. Taganrog i Chekhovy* [Taganrog and the Chekhovs]. Taganrog, 2003. S. 14.

19. *Nikonov V. A. Kratkiy toponimicheskiy slovar'* [Short toponymic dictionary]. M., 1966. S. 308.

20. *Kuzicheva A. P. Chekhovy. Biografiya sem'i* ... S. 9.

УДК 821.161.1:281.93

М. Ю. БЕЛЯЕВА,

доктор филологических наук,
профессор Славянского-на-Кубани филиала
Кубанского государственного университета

З. А. СТУКОВА,

магистрант Славянского-на-Кубани
филиала Кубанского
государственного университета

ТЕКСТЫ Ю. Н. ВОЗНЕСЕНСКОЙ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В данной статье творчество Ю. Н. Вознесенской рассматривается как один из путей приобщения к религии, к духовным ценностям. Предложенная классификация произведений, в которой обновлена жанровая парадигма православных текстов, позволяет более глубоко изучить работы этой писательницы.

Ключевые слова: творчество Ю. Н. Вознесенской, литературные жанры, православная литература.

UDK 821.161.1:281.93

M. YU. BELYAEVA,

doctor of Philological science,
professor of Slavic-on-Kuban branch
of Kuban State University

Z. A. STUKOVA,

undergraduate student
of Slavic-on-Kuban branch
of Kuban State University

YU. N. VOZNESENSKAYA'S TEXTS IN THE ASPECT OF ORTHODOX VALUES FORMING

In this article Yu. N. Voznesenskoy's creativity is seen as one of the means of initiation to religion, to the spiritual values. The proposed classification of works, in which updated genre paradigm of Orthodox texts allows you to more deeply explore the work of this author.

Key words: Yu. N. Voznesenskaya's creativity, literary genres, Orthodox literature.

Внедрение знаний из религиозной области в цикл преподавания гуманитарных дисциплин является приоритетным направлением в современном процессе образования. В цикле преподавания гуманитарных дисциплин наиболее благодатной основой для формирования православных духовных ценностей молодежи является художественный текст. Литературное достояние православной писательницы Юлии Николаевны Вознесенской побуждает к пересмотру педагогических стереотипов, способствует появлению новых подходов к проблемам духовно-нравственного воспитания. Произведения писательницы могут стать прекрасным материалом для формирования православных духовных ценностей. Во-первых, ее повести, рассказы, романы дают представления о традициях православного христианства, о специфике его обрядовости, священных таинств, священного убранства и др. Во-вторых, эти работы

ориентированы на обращение к собственному опыту субъекта, к возможностям осмысления традиционных ценностей в современных условиях. Тем самым они позволяют создать благоприятную педагогическую среду для приобщения к религии, к законам православной культуры.

Произведения Ю. Н. Вознесенской имеют познавательную направленность, реализуемую в диалогах персонажей, как правило, неопитов или неверующих и воцерковленных. Автором создаются так называемые духовные антиподы:

– Как это «веры нет»? Ты разве в Бога больше не веруешь, Митя?

– В Бога-то я верую... Я в Божью справедливость больше не верю, Яшка [1].

Языковое поле верующего человека наполнено такими понятиями, как *небесный покровитель, любовь, воля* и др. Персонажу Ю. Н. Вознесенской, образ жизни которого отдален от церковных